

* * *

Встречное движение потоков. —
Срастание
ветра — с дыханием,
с восторгом — зарева на востоке,
полуночной тишины —
с невысказанностью, с молчанием.

Щедрые ссуды
музыкой речи — лесу,
звуками леса — голосу.
Общение — через плазму —
между звёздами и сосудами.
Тяготение тела — к разлёту,
планеты — к коллапсу.

Высылка за настоящее,
посыл за погосты,
медленное вживание в голубое.
Накаты и отливы, наплывы и перехлёсты
боли, судеб.
Втягивание откатом прибоя.

Сообщение
слёз материнских и вдовьих
с кровообращением;
обмен со всем живым генами.
Ощущение
телом — земных юдолей,
рек — венами.

Донорство — тонáми,
с небом в камертон настроенными,
связок речевых наполнение —
диалогами.

Чувствованье всех дорог —
освоенными:
сцепление линий на ладони с дорогами.

Видение
в круговом движении планеты — курса.
Обнаружение:
в облаках — свойства серого вещества,
в брожениях серого вещества —
веры,
в аритмии хаоса — мерность пульса.

В материке — захолустья вписаны,
в устья — истоки,
в кантаты планет —
комет проносящихся скерцо.
Мир — весь — изменчивый, хрупкий —
близкий и далёкий —
не дальше сердца.

БЕССОННИЦА

Вот это да! Так значит, и у Солнца
случается бессонница?!

Неужто, рыжее, до утра
так и скачет —
по крышам, по тротуарам?..

Разгуливает всюду. Выглядывает даже
из подвальных окон Эрмитажа.

Вызолотило площади,
в улочку проникло каждую,
растворилось в Неве,
внедрилось в набережную,
всюду оставив пылающий наполнитель.
Вот — волна закипает!
Печь блины
можно прямо на граните!..

Нет, не могу понять.
И не могу удержаться:
глядь на Солнце,
на часы — глядь, —
и опять смеяться.

Странно всё это...

Позвонил известному поэту,
говорю: — Город солнцем объят.
Оно всюду. Проникло и в меня.
Теперь в груди какое-то жжение.
И вот гложет сомнение:
Солнце спятило, либо...

Поэт не спал, сказал «спасибо»,
сказал, что примет на вооружение.

Вот уже заалела кожа, —
на Солнце становлюсь похожим.
Застыл у пристани,
стал пристальней к прохожим. И что же!

Оказывается, не только я —
каждый — как за Невою звонница —
полнится удивительным сиянием,
каждый к свету причастен!

Я сражён, я счастлив,
как мальчик из провинции,
впервые выехавший в столицу...

Зашёл в Летний сад —
и там радостные лица.
Хмуры только «Ночь» и «Закат».

Достал фотоаппарат —
с Солнцем сфотографироваться.
Попросил такого же сияющего прохожего...

Всё же Солнце, помедля,
село на Монетный двор —
поделиться медью:
плавка в разгаре...

Уйти попытался, — больно.
И просто не могу:
одно сердце
бьётся на этом берегу,
второе — там, где вспышки зарев.

Боль как ордер
на новый, более пылкий орган?..

Заря поднялась по флагштоку «Авроры».
И я, словно кедр,
озарён и маячу. —
Зá ночь
не раз охвачен
счастья годовыми кольцами —
я, мальчик из провинции,
увидевший северный город
столицей Солнца.

* * *

Спазмы в горле — не кричать. —
Земля под ногами в крапах багровых.
Пятна кровавей и чаще... Братишка!
Что с тобой?! Ты же... исходишь кровью!

Как же это, родненький?! Вот беда —
и ни души — лишь чёрные птахи.
Быть-то как? — забинтовать бы тебя —
да разве хватит рубахи?!

Потерпи, браток, — я сейчас!..
Чтобы дó крови, так вот, разбойно?!
Тает на глазах... как же больно...
как больно...

«Скорую» вызвать?! «Пиратство!
Земля багрова!
Беда с клёном!», — сообщить и заверить:
«Кровь есть — я брат по крови»?!

Милиционеры! Доктора наук!
Юннаты! Неужели брата в беде бросим?!
Надо же что-то делать!
Давайте остановим осень!

* * *

Пчела с цветка перелетает на цветок.
Виток. Посадка. Взлёт. Опять виток...

Тревожит вечность одинокий звездолёт.
Мирам, где он бывал, потерян счёт.
Ведёт его надежда сквозь века —
пчелу застать в объятиях цветка.

* * *

Такие — и утро и вечер,
очень милы.
У таких и речи и плечи
от света и мглы.

Такие, кажется, не плачут —
берегут лицо.
А при встрече ненароком спрячут
обручальное кольцо.

Вглядись, по глазам прочти —
такие...
А я, наивен, счастлив почти.

ПОЛЁТ

Аэрофлот — комфорт и бездна порядка...
К ночи
объявили посадку.

Прошли: мальчонки-близнецы с отцом;
с дюжину дюжих молодцов
с выправкой отменной — спортсмены;
девушка в платице с вырезом смелым;
следом — юноша с гитарой;
затем — я
и одна влюблённая пара...

В небо! —
Разбег прямо на Луну.
Льну к иллюминатору...
Из чего это облака? Пена, снег или вата?
А расклад!
Вот горный хребет. А вот стиральная доска.

Ещё подъём.
Где Земля, пилот?..
Луна выдаёт
за водоёмом водоём.

Телу бы крылья, волю глазам бы! —
За борт!

Место как место, без выгод.
Лишь иллюминатора выше
надпись: «ВЫХОД».

Вышел...

Сердце
прекратило работу камер. —

Замер.
И — во все глаза... немо...

Миг — и кровь
обрела прыть горных рек.
Земля... Облака... Звёздное небо...
Я — че-ло-век!
Что ещё для счастья надо?!

И — помчался, смеялся и падал.
Облака растащил, просунул голову
и к земле — во всё горло:
— То - ва - ри - щии!
Какая замечательная у нас планета!
Второй такой не было и нету!

Где-то на дне
Луны на счастье брошенная монета
от радости запрыгала серебром.
А я — стремглав за самолётом.
Поёт
каждое ребро.

Не удержался — отстав,
под натиском чувств,
во всю глотку: — Лю - ди! —
к земле кричу, —
человек рождён для полёта!

Самолёт уходил. И я, сдержав раж,
вернулся, чтоб не тревожился экипаж.

Спят близнецы. Отец — ещё бóдрится.
Дремлют мóлодцы.
Юноша — у выреза, расчехлил гитару.
Целуется влюблённая пара.

Выход в небо не заметили,
и мне бы
связки песенные побережь —

место, время петь ли?
Но меня поднимает речь. —
Строю струны
с тембром от скрипочки до контрабасища,
чтобы начать:
— Товарищи!..

* * *

Девочка с короткими косичками
с веером шуршащих телеграмм,
то с весёлым, то с печальным личиком,
вестница и радостей, и драм...
Навсегда запомнишься такую —
той, кем никогда и не была ты, —
доброй феей и колдуньей злою...

Ты получишь первую зарплату —
и платочек, бережно уложенный,
матери вручишь. Отцу — вино.
Станет слаще для тебя мороженое,
будет интереснее кино.
Только тесными покажутся кварталы,
станут за порог дороги звать.
И однажды, постаревшие, с вокзала
возвратятся в дом отец и мать.
Будет шар земной для них расколот
поездом, бегущим на восток...
Ты приедешь. И построишь город.
Будет дверь своя и свой звонок.
Или станешь гордою москвичкою...

Позвонят. Откроешь дверь. А там —
девочка с весёлыми косичками
с веером шуршащих телеграмм.

БЕЗ ВОЙНЫ

— Вставай, — на рассвете шёпотом разбужен;
нежусь в тепле.

Осторожно — сына не потревожить —
халат наброшу.

Сколько сегодня добрых дел совершу!
людей увижу хороших!

Глаза протереть не успел — завтрак на столе.

Приду на работу — не раз
услышу радужное «Здравствуй». —

Улыбкой встречают;
всем желаю того же.

Машины — чудо! —
не отдыхая и дня, вычисляют, итожат.

Их много у меня, умных и послушных.

С работы иду — радуюсь: мне
сын бежит навстречу.

И высоко взлетает в небо, солнце затмевая.

— Пап! я скучал тут без тебя! а ты скучал?

— Конечно, — отвечаю.

Встречаем нашу маму. Нашим будет вечер.

И крошечные звёзды
пройдут сквозь ночи решето.

Укрою шторой звезду, уснувшую в окне моём.

Поправлю одеяльце;

рискуя разволшебным сном,

сынишку поцелую, чтоб не видал никто.

ЗВОНОК

Шаги на лестнице.
Прислушиваюсь.
Глуше, глуше...
Нет возвращаются...

Время ли вышагивает,
ухает ли за дверью сердце?

Звук усилен пульсирующими висками,
отрывист и резок.
Ближе, ближе. И —
замер.

Звонок.
Бегу, открываю дверь.
— Папа! — кричу я, — ты!

«Здравствуй, сынок», —
обнимает и целует.
Руки, губы — родней не бывает.

— Наконец-то! — голову ему на плечо,
вздыхаю облегчённо, —
где же ты пропадаешь?
Хватит, никуда не пущу.
Во сне постоянно ищу этой встречи
и так бывает жутко! —
Что я знаю о тебе?
Мы сядем — и всё о себе расскажешь.
Да?

«Как-нибудь расскажу».

— Твои медали
укором стали мне.
За что они?
На стали — одни названья городов
да — «За отвагу».
И всё. И нем,
и холоден металл.
Наград не носишь, даже в мае.
И редко вспоминаешь о войне.
Почему? —
Столько дорог отшагал! —
Думаешь, мал ещё? Не пойму?
Напрасно...
А «Красная Звезда» за что?

«Как ты живёшь, сынок?».

— Видишь, всё хорошо.
Тоскую только по тебе,
по маме и по сестрѐнке.
Но я не одинок.
Пойдѐм, приласкаешь внука.
Слышишь его звонкий голосок?
Сынишка — чудо! —
Лечит от бед,
радоваться и любить учит.
Если руки опускаются, выхода нет, —
заглянул в его исцеляющие глаза —
и ответ узнал.
Хочется жить и жить...

Взгляд отводишь?
Но почему? Ответ же!
Как жутко...
Откуда этот страшный холод?
Пойдѐм! почему мы стоим на ветру
в коридоре?

«Я на минутку — на тебя посмотреть».

— Что с тобой?

Стали чужими глаза.

И слова эти...

Молчит.

Улыбается виновато:

«Разве забыл? Меня уже нет на свете».

Уходит.

* * *

Голоса утихают.
Оторопь
в небо поднятых,
быстро теряющих контуры лиц.

Растворяются, тают
очертания зданий... улиц...
в полёте распластанных птиц.

Вот мои паруса!
Мой звёздный миг!

И вовсе не стаи книг
на крыльях страниц, —
уносят твои глаза,
взмахи твоих ресниц.

* * *

Сказкам — чудеса.
Берег — волне.
Глазам твоим —
неба бирюза.
Мне —
твои глаза.

Музыка — стихам.
Рукам твоим — цветы.
Ручью — река.
Ты —
моим рукам.

Солнцу остыть,
сердцу — гложь,
навсегда развести мосты, —
ты
уйдёшь.

НОЧЬ

Столь каверзно отплыть, затихнуть у истока,
бессилия дождаться, выследить излёт...
Ведь только выщежен,
ещё не выбродили жизни соки!

Пьёт и пьёт.

Чтобы не забылся — пытка собеседованием.
Кинет мыслишку — дрянную, угрюмую.
«Думай», — говорит.
— Не буду! —
вот-вот уйду от преследования.

Нет, настигнут. И внутренность искрю мою.

Вечное рабство, плен, услужение, —
численник чёрный-иссиня.
Позавидуешь полену,
туше позавидуешь висильника.

...Тут же обниматься лезет, —
клятвы насильника.
Думает, объятия железные —
нежные знаки внимания.
Ощупью
в лабиринтах мозга
кнопку ищу, рычаг, рубильник. —
Где-то должно же отключаться сознание!

ЖИВЁМ!

*

Раннее утро. Движение в небе и кронах.
Подарок? Награда?
Радость безумная, но ещё боязнь...
Неужели правда?

За что же счастье такое?
Ни молить не надо слёзно, ни стяжать его.
Шёпотом: — Неужели живём? — к берёзе.
Кора шершавая и тёплая,
как ладонь в рукопожатии.

— Ёж, милый! Стой! Знаешь, и для нас с тобой
эта счастья бездонная кладовая.
Понимаешь, чудо какое? Живём!
Смотрит по сторонам, часто головой кивая.

Лесом иду, садами, жнивьём.
— Э - ге - гей! — срываюсь, —
слушайте все! Жи - вём!

*

Звёзды выпалились — высыпали взглянуть.
— Эй! Вселенная! Есть хоть кто-нибудь?!

Так уж и никого? Бросьте!
Надумаете — заходите в гости!

Если домоседы —
дайте знать, — сам приду, побеседуем!

Чудо хотите — сейчас и наяву? —
Смотрите! Видите? Жи - ву - у!

Что — мерцать?! Долой разлуку!
Вот вам моя рука — пожмите руку!

* * *

Вечер. Петродворца гость я.
И славно встречен.
Всё — мне:
музыка, стаи огней; фонтанов грим, —
пылают кострами: краски и золото риз
розданы прожекторами.
Но холоден их жар,
Как вспóлохи камней из царского ларца.
Лишь бриз, разбрасывая, изводя до пыли,
играет гроздьями горящих брызг —
жёлтыми, красными, голубыми...

И снова — четыре угла.

А за окном — осени зелье
бежит по упругим стволам в зелень.
Листьев испуг и дрожь.
Ложь искусных радуг:
по живому — кистью!
Будто выкрасили к параду,
а после — забыли.
И падают листья —
красные, жёлтые, голубые...

Осенняя мгла.
Пустота гостиничных комнат.
Четыре угла.
Ты — всюду. Забуду —
руки напомнят, губы напомнят.

К себе
в сезон распада заманив —
на этот маскарад, —

и дни мои раскрасил Ленинград.
Но как же несуразно гримированы!
Чем радужней — тем больше лжи,
ведь каждый день фальшив,
как смех в рисованной улыбке клоуна...

Пёстрые
дни на острове,
дни сентября. —
Дикие,
удивительно безликие
дни без тебя.

* * *

Разве обещать могу вечный свет в окне?
Разобью палатку на снегу —
ты придёшь ко мне?
У плеча вращаться, да? На уста печать?
Что не брошу никогда — пообещать?

О святая чушь!
Ты хочешь антименя.
Приобрести любовь с гарантией?!
На года?
Навеки?
Чтобы не прогадать?

Крикнуть бы: — Любимая, останься!
И пусть отдыхают бурные реки:
я сам смогу вращать
турбины электростанций.

Но пообещать тихий свет в окне?..

Заночую в облаках — ты придёшь ко мне?
Солнцем за́ небо уйду, не остыть планете, —
я в ответе.
По утра́ на востоке встретишь?

Горящую звезду несу. А двери — на засов.
Уроню — и поползут шапки полюсов.

— Кому огня?! Кому огня?! —
смотрю в глаза твои.
Ты — с грустью на меня...

Не от космических светил
приток, шторм сил, —
что мне от их огней? —
Там, на земле,
мерцал бы огонёк в твоём окне.

...Пылая,
дали обживаю, невесом.
А был бы просто заблудшим, бездомным псом.
Но синеву осваивая, думаю:
двоим бы в небо, — я бы не был нем...
Зову звезду мою бездонным, светлым
твоим именем.

ДВА ВЕЧЕРА В ЛЕНИНГРАДЕ

Вечер первый

Неуловимый, резкий
властный жест
дальним оркестрам...

Город последним аккордом бросил
рокот моторов, россыпь треска...
Поворот. Улица Зодчего Росси.
Звуки на излёте. И —
будто отрезало.

Взгляд упирается в каменные шоры,
мечется
и вдруг
уходит глубоко в себя, в слух.

Кто-то
ноту за нотой
явно *из меня* исторгая,
пристально, кропотливо трудится...

Оглядываюсь.
Угадываю дирижёра
и оркестровую яму, — вытянулась улицей.

Выследив связь примет,
понимаю:
здесь — я инструмент,
меня
настраивают...

— Что? — переспрашиваю. —
Лишний билет?
Нет, — отвечаю. —
К сожалению, нет.

Сверху
рука чья-то
слегка плеча коснулась:
«Вы, я вижу, идёте в театр.
Позвольте, провожу вас?» —
Голос высок, взволнован очень.
Угадываю: он, зодчий.

...Прощается на углу: «Дальше — сами».
Смотрит мне вслед.
Во взгляде — зависть.

— Как?! разве и вам... билет?

...Гасится свет.
Поднимается занавес...

—

Так чисто,
так дышится хорошо,
словно ливень прошёл:
расти да расти.
Каждый нерв
побеги пустил.

Мáстера кистью тронут.
Краски
ложатся по сырому.
Тут же иссушен:
жар — на лице,
уходит под кожу и глубже. —

Зал
раскалённой сценой согрет:
на глазах разожгли костёр
и сгорают!

Медленно зажигается свет...
Слёзы не вытираю.

В утробе Фонтанки-улицы,
билась река Фонтанка. —
Не стало улицы:
одна, но замечательная лужа!
Вот и тело моё
где-то теперь внутри, —
изнанка
снаружи.

Сияет — накипь сняли! —
расцвела красками вешними, —
рядом с потускневшими,
потрескавшимися
засверкали свежие,
ещё не просохшие фрески.

В прыть свою поверили,
встрепенулись, óжили,
вырвали поводья-жилы огненные кони:
сердце снова там,
где быть ему положено, —
на вытянутой ладони...

И — по лужам, по воздуху,
изредка — посуху:
по Фонтанке,
мимо продрогшего Ломоносова.

— Чуть потерпите, мыслитель! — кричу.
А кони уже проносятся
мимо вымокшего до кирпичика
труженика Росси.

Знаю, зодчий, — вы ждали,
вам словом обмолвиться не с кем.
Простите невежде.
Только поймите ж и вы меня! —
Я непременно вернусь к вам, зодчий,
но прежде
хочется поделиться с живыми...

Площадь Островского... Невский.

— Это вам, товарищи!.. вот... сердце...
Если холодно кому —
можно согреться...

Да, неловко, понимаю... Живая материя.
В атомный век —
такое мифическое действие...
Пусть же бьётся
на шпиле Адмиралтейства,
чтобы артерией
пульсировал Невский,
чтоб сияло всем...

А если кто-нибудь попросит —
отдам,
и насовсем.

Вечер последний

Заговариваю с идущими —
спрашиваю одно и то же:

— Нет билетика?.. Нет билета? —
голос вкрадчив до дрожи.

Головой качают...
Не спешат с ответом...
Раздражённо, осторожно
отвечают контрабасом,
выдыхают флейтой...

Сегодня я прохожий.

Слух
чужие пассажи ловит.
Но сдаваться не хочется:
— А у вас... — осёкся на полуслове.
«А, это вы», — кивает мне зодчий.

Прячет улыбку. Мистификатор.
По облику ясно: ложа.
— Значит, сегодня *вы*... в театр?
Я провожу вас, можно?

—

У театра — в ряд — упрямы,
меченные
теми же симптомами недуга. —
С досадой — на часы,
с надеждой —
к первому встречному,
избегая бездомных,
безбилетных взглядов друг друга.

Хмуро уходит мужчина седой...
девушка настойчивая...
дама в плаще...

Не выдерживаю: — Пойдите!
Неужели и впрямь разойдёмся —
так, молча, по одному, ни с чем?!

В каждом ведь
за горами бесполезных вещей
пылятся удивительные сокровища!

Разве в каждом из нас
не театральная музей,
куда, случается, лишь по праздникам
с великим риском
мы впускаем только лучших друзей
и близких?!
не театр,
куда попасть,
как в этот, академический, непросто?!
но сгораем в полупустом зале —
лишь потому, что сами
предельно ограничили доступ!

Я и подумал:
что, если
чья-то последняя надежда —
на театральное кресло?!

Слушайте же и смотрите,
будьте участниками и зрителями.
Вам,
чтобы не прятали взгляды,
чтоб одиноких не было,
чтобы вместе
плакать, смеяться, петь песни,
к звёздам подняться,
встретить рассвет или просто согреться, —
вот —
улицы моего Ленинграда,
вот —
моё небо,

вот —
моё сердце.

Я на струны раздам, на органные трубы
вен ветвления,
буду петь на языках шорохов,
не оставило бы только вдохновение
музыкантов и дирижёров.

Подключу к сердцу строчки —
и до изнеможения
буду ток давать, зажигать ореолы,
не упало бы только высокое напряжение
артистов и режиссёров.

На цвета и оттенки
гложа себя и растаскивая,
как по буковкам книжицу,
всех художников обеспечу красками, —
пусть только пишется.

Выгорев дотла, до дна себя вычерпав,
одними натруженными устами
разберу и раздам по кирпичику
оставшийся
прочнейший фундамент.
И войду в неземное родство
с белой ночью.
Не поблекло бы лишь мастерство
рабочих и зодчих.

* * *

Шла — божественна — и — случайно ведь! —
наступила на поводок.

Но ошейник с тех пор — и кольцо обручальное,
и лавровый венок.

* * *

Невостребованные письма сжигают

Дождь за ворот в середине января,
ручьи.

Но что теперь от меня зависит?
Снег упадёт на город,
как только догорят
мои невостребованные письма...

Осень тайно вынашивала беду,
когда вдали от тебя стыл я.

...Каждое летать научил.
Схватывало на лету,
помнило слово в слово
и летело, лишь крепи крылья.
Тут же выхаживал новое.
Они рвались ввысь,
мчались к тебе
стаей почтовых голубей
и... стали ждать, —
они, вестовые надежды,
счастья слепки, тоски оттиски, —
горячие, нежные.
Им ли не звучать? Учил их так ли?

Устали —
óжили,
подали голоса
и полетели,
заглядывая в глаза прохожим.

— Найдём и любви пропоём гимны! —
ободряло всех первое, самое наивное.

И не было одиноко, — ему верили:
— Встреча близка!
— Искать!
— Искать!

Начали биться в окна...

Ночь безлунную просидели
у одной запертой двери.
Чушь несли,
тихо пели — по одному и вместе.
В песнях — радость и тоска.

А стало светать — опять
проносились высью и металась у земли
мои нетерпеливые, безответные письма.

Так и встречали каждый восход.
Но вот:
— Стойте, безумные!
Вам радость безудержная дана,
алеете, словно зори.
А если Ей не до нас?
Вдруг — заболела?
А если — горе?! —
закричало последнее, самое тревожное, —
к чему ваш вздор тогда?

Письма не спорили. И вскоре
вернулись туда, куда письмам положено.

Возвратился и я.

В середине января дождь за ворот.
Но что теперь от меня зависит?
Снег упадёт на город,
как только догорят
мои не востребованные письма.

* * *

Не один денёк пройдёт, не одна ночка...
От звёзд и незабудок размагнитится компас.
Родится щенок, на сову похожий, —
«Дези» нелепо назовут.
Вырастет, пропадёт, вернётся.
Следом — четыре щеночка.
Весёлому, рыжему, космы постригут,
полетит в космос.
Будут крыши источать капель, плавиться,
опять покрываться инеем.
Влюблённый, экономя на харчах,
займётся астрономией,
звезду откроет, назовёт её нежным именем.
Забьёт из-под земли источник —
и побредут: профессор — на учёный совет,
чудак — берёзовый мастерить мосточек.
Птица встрепенётся, упадёт звезда —
и вулкан проснётся где-нибудь в Полинезии...
прежде чем появятся на свет
несколько строчек
настоящей поэзии.

* * *

Однажды вечером окажется: жизнь прожитá,
время накажет нас.
Живём, будто вечность у каждого про запас.

Живём, заученную исполняя роль.
Живём, причиняя друг другу боль.

Подле, но поодаль, без родства, без исповеди —
живём, расставаясь исподволь.

Не вызнав друг друга, в себя не вобрав,
живём, выясняя — кто прав, кто не прав.

Живём, будто вечность у каждого про запас.
Время накажет нас.

За то, что нежности не растратили,
не смогли себя вылюбить,
а было ведь;

За то, что не решались плыть рекой, —
выбирали притоки:
не жили — к жизни примерялись только;

За то, что краткость этой встречи
не пугала нас,
будто вечность была у каждого про запас.

Когда же я пойму и ты поймёшь? —
Что я не так живу, что ты не так живёшь.

СНЕГ

Природе
это колдовское средство
дано,
чтобы дорог и рек,
лесов и городов соседство
свести в одно, —
чтобы врачую, показать родство
всего и всех.

Снег...

Опустошённость, беспросветное ненастье.
Но выпал снег — и поневоле верю:
боль
снимут холода.
Ведь, кажется, теперь,
когда земля как белый лист чиста,
когда её не разделить на части, —
я только начинаю жить и ясно понимать
свою неотторжимость и причастность...
Ещё немного — и опять поверю в счастье.

Белó. Голо.
Но вот — соло мороза.
Он, вездесущ и ловок,
растолок на тысячи играющих иголок
осколок солнца.
Сияет каждый уголок.
Блеск и порядок парада.
Как несказанно рады
вышитым нарядам оконца!..
В блёстках берёзы.
И... заблестело в глазах.

Ах, как близкий: в ногах —
снегов застывших вихри
и в небе —
отображение не их ли? —
облаков мазки...

Промчался лыжник, в лёгкий пар одет, —
и нет его.
Лишь в небе — реактивный след.

Над головою — зеркало! Сверкает вдвое.
А крыши,
вытянувши губы в трубы,
на голубое дышат...

Значит, наоборот —
это неба свод
всё, что искрится и смеётся,
волшебством зеркал собрал в солнце?

Вращается еле-еле...
И вечер.
И догорают, гаснут
елей оплывшие свечи.

Закат, зазывая,
вписывает в окна квадрат.
Но глаза
тянут опять за окно.
И губы уже об одном:
не расколось бы, не померкло б
это зеркало, названное небом...

Ещё поворот — и вот
оно к земле обращено
запорошённой звёздами, как снегами,
амальгамой.

А здесь, под ним — зиме гимн.
Это, от хлопот и сует отойдя,
большая родня собралась и празднует
день и ночь подряд,
не считая дат,
всех к себе маня.

За рукав — меня...

И я обхожу собравшихся по кругу —
каждый ведь близок. Радуюсь искренне.
Каждому протягиваю озябшую руку
и словно ничуть не думая о весне:

— Ах, как чуден снег...

* * *

Не приходите...
Тогда
горный цветок попроси,
распустившийся над облаками,
со дна океана — жемчужину в брошь.
В кольцо попроси
какой-нибудь лунный камень, —
мне б знать,
что ты за ним придёшь...

И не звонить...
Тогда
ты позвони,
скажи своё: «не станем ближе»,
а я — про нити:
«И на край земли уйти — не разорвать».
Не называй столетия,
ответь: «Когда-нибудь». —
Что я тебя увижу —
я должен знать.

Пусть ложь, — пообещай,
что постучишься в двери, —
войдёшь однажды
и жизнь у меня отберёшь. —
И я до самой смерти счастлив буду:
я буду ждать и верить,
что ты придёшь.

ДВА КОСМОСА

Нам — космосу внимать,
вверяться автоматике,
дороги звёздные тропа.
Нам — открывая новые галактики,
всё дальше проникать в себя.

Явная двунаправленность тяги
манит, изматывает,
штормá поднимает в крови:
ввысь уходят
пилотируемые громады
и личные стартуют космические корабли.

Две бездны вверены, два мира ссужены —
не утолить вовеки жажду странствий.
Два космоса — внутри и снаружи —
сходятся,
время искривляя и пространство.

Полёты во сне и лики по́ небу
так волнуют, что доводят до бессонницы.
Это зов: долететь, раздарить огонь, —
каждый атом тела
когда-то был частью Солнца.

За гранями чувств —
в бескрайности внутреннего зрения —
космосом становлюсь
с личным пространством и временем.

И понимая: коль нет похожих,
грех отсиживаться на космической мели, —
открываю свои галактики —

если не я, то кто же? —
чтоб возвратясь, раздарить светила,
и новые выстраиваю корабли.

Вот — беспредельная, но брэнная
моя вселенная...

Здесь столько вёсен бесполезностью гнетётся,
здесь такие звёздные скопления любви, —
передать успеть бы — и достанется по солнцу
каждому жителю Земли.

Пока в огнях моя вселенная
и стартовать по силам,
я возвращаться буду, выдавая
астральность на-гора.
Я к вам вернусь —
и над Землёй зажгутся новые светила,
вернусь — и новый выстрою корабль.

И вы — не ради выгоды, не за наличные —
в столицах и на краю земли
спешите раздарить себя, — стройте личные
космические корабли.

Делясь огнём, глубинный отдавая свет,
нам — дальше в космос проникать и дальше.
Нам — познавать галактики в себе, —
мы научились только достигать
планет ближайших.

Мы только начинаем обживатьсь,
ещё с опаской космос теребя.
Мы начинаем только
познавать себя.

ПОДЪЁМ

Земля побудку приняла с восходом —
на языке небесных тел,
сигнальным кодом.
Слетевшая с высот,
невидимая,
каждому на ушко
прокуковала звёздная кукушка.

И вот...

Сбрасывают улицы
шапки и шубы —
ношу опостылевшего
снега и меха.
Полнятся площади,
налиты губы
солнцем и звоном
капели и смеха.

Снег вывозят
скоростными трассами.
Вскрылись
небо и река
и за горизонт несут и сбрасывают
лёд и облака.

Взгляды и дали
бездонны и долги.
Радость не унять,
с улыбкой не справиться. —
Что ни речка — Волга,
что ни девушка — красавица.

Жажда огня
в сердцах и зарницах.
Первая плавка света и тепла.
Сверкают стёкла, сияют лица,
блещут церквей и цирков
луковки и купола.

Песне,
нехитро́ простроченной словами,
нет износу.
Воробьи
заливаются соловьями,
напевают безголосые.

Хаос и плутовство
глаз и метеосводок.
Магия и колдовство
восхода и походов.

Дни растут
и крылья вставших на дыбы
пегасов,
ртутные столбы
и очереди у ЗАГСов.

Силы теснятся коней вереницами —
нет конца им. —
Рвутся из груди,
летят шальными птицами
тройки с бубенцами.

ГРИМАСА

Очерчено тело, огорожено,
оборотами огорошено, —
прутьев мельканье и стресс.
Осточертело! Из круга! На часочек бы в лес!

Там осень, там плесень,
там листья на ветках висят...
Каких-нибудь километров десять.
Или пятьдесят.

Вскрыл защёлку — и бежать.
Без оглядки. Словно принял грех Каина.
Пересадка. Ещё. Ещё. Городская окраина.

Автобус — пресытившийся удав.
Не влез.
Через полчаса — тоже.
А как же с эликсиром, на сосне настоящем?
с тропой нехоженой?

— Такси! Стой!
— Куда?
— В лес.
— Нет, не положено.

Дóжили...

— Частник, милый! Вывези!
Тыщу лет ни осени не видел, ни весны я.
В лесок бы.
Там лисы, там лоси, там листья цветные.
Понимаешь, сорвался с привязи. —
Белкой кручусь в колесе:

вокруг — прутья,
в голове — цифири.
— Эх, дружище...
у тебя одно колесо,
у меня же — вот —
четыре.

...Самолёт!

— Девушка! Один билет! Позарез!
— Куда?
— На ближайший рейс.
— Киев через час и Караганда.
— Да-да, как раз туда.

...Лес! Наконец-то!
С кресла привстав, — глаза таращить:
Вот он, подо мной,
красочный — осенний, настоящий!

НАДО ИДТИ

Пока не отпылал закат —
разбить палатку в облаках:
поставить так, чтоб выше —
только звёзды.
Пожитки поутру сложить.
А может, здесь остаться жить?
А может, повернуть? Ещё не поздно.

Столбы километровые — не боги:
поди дознайся, что маячит впереди.
Но есть дороги,
и держат ноги. —
Значит,
надо идти.

Не слёзы на губах, а пот.
Не розы во шипах — осот.
И лечь — всю ночь во сне
сучить ногами.
Красоты излучин, зов пучин.
Дорога — отдых для мужчин.
А груз не твой:
он где-то сзади, за плечами.

Простая истина, а не даётся многим.
Нельзя же век свой чахнуть взаперти.
Пусть нет дороги,
но держат ноги. —
Значит,
надо идти.

А где-то драки за метраж.
И дама, озирая пляж,

игриво фигурирует в панаме.
Ей-богу, это веселит.
И радуя, рваньё висит,
недавно бывшее приличными штанами.

Ещё не время подводить итоги.
Ещё родник, пьяня, уходит из горсти.
Пусть нет дороги,
и сдали ноги.
Всё же
надо идти.

Нет, рай не на́ небе, а в том,
чтоб — наземь и лежать пластом.
Прижаться так, чтоб ниже —
только звёзды.
Чуть повернуться — и в клубок:
Земле — как матери — под бок.
Сначала только дошагать,
а после — роздых.

Не втиснуть в гаражи,
не тиснуть в каталоги,
ведь счастье в том,
что ускользает из горсти, —
что есть дороги,
что держат ноги. —
Счастье
в том, чтоб идти.

ИСПЫТАНИЕ НА РАЗРЫВ

Кривая вверх по графику не спеша ползёт.
Вселенная расширяется, —
разлёт вещества, разлёт.

Распри, размежевания, —
испытание на разрыв идёт,
проверка на выживаемость, —
разлёт вещества, разлёт.

Зóву повинуюсь пустот —
из одной материи созданы, —
к разлёту тяготеют и люди —
как звёзды.

Закодирован —
вживлён под кожу каждому — автопилот.
Разлёт вещества, разлёт.

Не тебя, любимая, виню в разладе —
галактик разброд, —
разлёт вещества, разлёт.

Что ж, по одним законам созданы
люди и звёзды...

Удержаться б на планете,
пережить бы это вредное поветрие.
Ведь кривая разлёта когда-нибудь
подчинится закону симметрии:
вниз не спеша по графику поползёт, —
обернётся сжатием разлёт.

Живые станут тяготеть к живым,
поймут, что созданы

гореть и согревать,
быть высокими, как звёзды.

Вражда обернётся рукопожатиями.
Как за ночью — день, за разлётом — сжатие.

И звёзды двойные — влюблённые неба —
земным позавидуют объятиям, —
сжатие вещества, сжатие.

Будет миссия живых
сполна осознана, —
станут беречь друг друга,
планеты оберегать и звёзды.

Пусть не по вине живых раздор идёт, —
разлёт как заклятие.
Видно, рано появилась жизнь:
не дождавшись сжатия.

Но и разум дан ведь — понять:
что принять, а чему выказывать неприятие.
Неужели ждать
сжатия?

ЗАЧЕМ?

Степь. Ночь. Никто не услышит,
будем же искренни...
Как не разглядеть в тебе
продуманность и мысль.
Ответь, Вселенная,
зачем материя призвана к жизни?
И есть ли он,
смысл?

Дай понять:
рок ли? расплата? —
Больно за живых и жутко.
Выскажись:
таило ли начало жизни
неизбежность распада?
Глупая была бы шутка.

Ведь если жизнь — разлад в материи,
выходит, просто
наметилось выздоровление материков и вод;
не летопись велась, —
история болезни...
А жажда счастья? тяга к звёздам? —
Неужели пройдёт?

Но если мир так дико, бесполезно скроен,
что мы — марионетки в нём,
а эта дивная планета — балаган, —
достаточно же органа в груди
для перекачки крови.
Так нет. Зачем-то же поёт орган...

Слышишь, Вселенная? исповедайся,
не держи в секрете.

Ты ведь муки эти утаить могла,
но дала-таки.
Зачем? Чтоб донимала боль?
чтоб кто-то был в ответе
за дождь и ветер?
за звёзды и галактики?

Быть может, и давалась жизнь
для милосердий и опек?..
Коль так, скажи:
этот «кто-то»... человек?

Верно,
из всех живущих тварей на земле —
от кошки до кобры —
человек — самый лютый зверь,
но он ведь и самый добрый!..

Молчишь...
но как вдохновенно!
Гори же, гори...
Да, понимаю: я часть Вселенной, —
твой голос, Вселенная...

Говори же, говори.

* * *

Бранят стихотворцы лихие
за стих, что сложнее сохи. —
Слепые душой и глухие
учат слагать стихи.

И я,
выжидающий строчек стаю,
ямба не отличающий от хоря,
знаю:
правда ведь, — не умею.

Безбожники мне о Боге
твердят, как зудят о деньгё, —
по горней прошли, мол, дороге
и с Богом накоротке.

Я же — полжизни шёл
к Его осиянному краю.
И продолжая идти,
знаю:
я только на полпути.

«Чутóк почудил — и будет,
на службу иди, служить,
и будь в остальном, как люди», —
мёртвые учат жить.

Смолчу в ответ, —
в советах не нуждаюсь.
Но живущий впервые, немея,
себе-то сознаюсь:
правда ведь, — не умею.

АВТОБИОГРАФИЧЕСКАЯ СПРАВКА

Родился я
собой, долгожданным,
на планете Земля,
зимой
в краю каштанном.

Осваивал числа
над рекой —
на горе —
в час звездопада.
Остальному учился
на аллеях Летнего сада.

Выстояв ночь
до впуска —
к невесте, —
венчался в музее Русском
с портретом дочери
художника Нестерова.

Населён мой дом
всеми
людьми и звёздами.
Счастье вижу в том,
чтоб лучась,
быть розданным.